

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 87-93, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 273.99

The Elder With «Keys From Heaven»: the Image of a Skopets in the History Russian Mystical Sectarianism in XIX cent.

¹Anastasia V. Chernysh

²Alexander V. Apanasenok

¹Southwest State University, Russian Federation

Kursk, 50 let Oktyabrya, 94

E-mail: anastasiachernysh@mail.ru

²Southwest State University, Russian Federation

Dr. (History), leading researcher

Kursk, 50 let Oktyabrya, 94

E-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

Spreading of mystical sectarianism in the Russian Empire in XIX century has reached threatening scale. According to official statistics in this period number of the followers different mystical religious communities has increased on several occasions. In spite of tough measures state anti-sectarian policy skopchestvo (the most radical mystical community) spread over the country's territory by fast rate, covered new provinces. Considering the development of skopets' confessional culture in adverse outside conditions, authors focus on features of formation the "wise elder's" image. Working with investigative documents for a case of castration in Russian regions, authors come to the conclusion that birth of mythological image was a reaction of community mystical sectarians to the persecution by the state authorities and became a part of strategy, calling to save arrested sectarians from prison and banishment. Authors demonstrate that image reflected archetypal features of perception reality by believers. Archetype of «wise elder» which was used by many religious cultures, according Russian mystics' tradition found expression through the image of skopets, and its exploitation gave an opportunity to the leaders of skopets' communities to facilitate to neophytes entry into new religious surrounding.

Keywords: mystical sectarianism; skopchestvo; confessional practices; the Russian Empire; religious policy; archetypes.

Введение

Манипуляции сознанием, производство смыслов и образов – сущностная характеристика современной цивилизации. В условиях постмодернистского многообразия систем ценностей духовный мир человека становится главным объектом «конкуренции» между претендующими на влияние общественными группами. Возможности влияния на сознание общества или его отдельных представителей уже давно определяют силу не только «глобальных игроков» (государств, корпораций, конфессий), но и небольших сообществ харизматиков. Соответственно, все более важной задачей науки становится рефлексия, направленная на анализ природы, закономерностей, механизмов и последствий манипулирования общественным и индивидуальным сознанием посредством внедрения в него тех или иных образов (мифологических, религиозных, социальных).

Отечественная история располагает более чем достаточным материалом для осмысления возможностей трансформации сознания отдельных людей и их групп в условиях существования разных культурных и религиозных парадигм. Одна из ярких страниц прошлого в данном случае – история российского мистического сектантства вообще и его яркого проявления – скопчества – в частности. Известно, что многие общественные катаклизмы в ходе имперского периода

существования России (политические перевороты, войны, отмена крепостного права и т.д.) рассматривались в том числе с мистической точки зрения, при этом нет гарантии, что это явление ушло в прошлое окончательно. Представляется, что изучение прошлого российского мистического сектантства как проявления духовных исканий части российского общества достаточно важно как с историко-религиоведческой позиции (осмысление особенностей «народной религиозности», вклад в отечественную конфессиональную историю), так и с точки зрения историко-психологической (выяснение влияния менталитета на жизнеспособность тех или иных образов).

Материалы и методы

Материалы и методы. В качестве материалов для исследования авторами использовались документы Государственного архива Тамбовской области, Государственного архива Курской области, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов (преимущественно – следственные дела в отношении представителей скопческих общин), а также результаты исследований мистического сектантства авторов имперского, советского и постсоветского периодов. Выбор фондов двух первых названных архивов обусловлен тем обстоятельством, что Курская и Тамбовская губерния занимали лидирующее положение по числу сектантов-мистиков в XIX в.

В ходе исследования был использован контекстно-исторический подход, позволивший вписать культурные модели мистических сообществ в контекст общественных отношений России XIX в.; применялись историко-генетический, историко-сравнительный и, фрагментарно, историко-биографический методы исторического познания. Опора на положения аналитической психологии, использование ее инструментария предопределили обращение авторов к историко-психологическому методу анализа прошлого. При работе с архивными материалами применялась методика «глубокого прочтения» исторического источника в традициях классической европейской микроистории.

Обсуждение

Изучение скопчества к сегодняшнему дню имеет относительно давнюю историографическую традицию. Первое систематизированное исследование этого феномена, принадлежащее В.И. Далю, появилось еще в 1844 г., во время активного распространения мистических учений в России. В середине XIX в. были также опубликованы научная работа судебного врача Е. Пеликана, посвященная физиологическим особенностям оскопления, а так же работы П.И. Мельникова и Н.В. Реутского, также имевшие прикладной характер и призванные облегчить «противосектантские» труды чиновников. Более поздние работы имперского периода (И. Добротворского, Н.И. Барсова, В.И. Кельсиева, Т.И. Буткевича, А.С. Пругавина), а затем и советского времени (В.Д. Бонч-Бруевича, Н.Н. Волкова и А.И. Клибанова), претендовавшие на научное осмысление скопчества, связывали его популярность либо с необразованностью православного населения, искавшего спасения души, либо со стремлением к обогащению путем вступления в секту [1, с. 272].

Современные авторы (А.А. Панченко, Л.Энгельштейн) связывают появление и стойкость мистического сектантства с особенностями народной религиозности, апеллируя к богатому фольклорному и историко-этнографическому [1, с. 276]. Тем не менее, как механизмы включения верующих в скопческие общины, так и образы, привлекавшие туда неопитов, остаются пока малоисследованным полем.

В данной статье авторы пытаются внести вклад в восполнение этого пробела, обращаясь к проблеме восприятия верующими пропагандистов скопчества и его проводников-оскопителей. Непосредственной целью работы является выяснение степени соответствия реальных личностей, распространявших скопческое учение и их мифологизированным образам в течение XIX столетия, а также анализ механизмов влияния «сектаторов» на сознание «обращаемых».

Результаты

Скопчество в России возникло еще во второй половине XVIII в. в Орловской губернии в среде последователей христоверия, придерживавшихся более радикального взгляда на борьбу человека с его физиологическими потребностями, и достаточно быстро распространилось сначала в центральных районах, а затем в Сибири, Поволжье, на Кавказе и Таврической губернии. Разделяя убеждение христоверов в дуалистической природе души и тела человека, скопцы считали половые стремления источником греха: «Лепости есть одно из величайших зол в мире: она есть лютый змей, пожирающий весь мир; она от Бога отвращает и к Богу идти не допускает» [2, с. 5]. Аскетичный образ жизни скопцов, строгие посты, отказ от употребления спиртного и курения табака зачастую воспринимались местным православным населением империи как более «праведный жизненный путь» по сравнению с «казенным» православием, который может привести в «Царство небесное». Очевидные проблемы Русской Православной церкви, превратившейся в ведомственную структуру после реформ Петра I, вели к непрерывному росту численности религиозных «диссидентов», который стал особенно очевидным в условиях смягчения вероисповедной политики государства, т.е. в XIX столетии. Например, в период с 1840 по 1859 годы численность адептов скопчества в Курской губернии увеличилась на 5%, а в 1860-1870-х годах выросла более чем в два раза [3, с. 93].

Официальная статистика говорила о сотнях скопцов в отдельно взятых регионах, но для современников (чиновников, священнослужителей) не было секретом, что ее данные сильно занижены [4, с. 157]. В таких условиях Органы государственной власти, руководствуясь соображениями национальной безопасности, стремились всеми средствами ограничить рост количества адептов скопчества - оно признавалось одной из наиболее «вредных ересей» вследствие влияния на уменьшение народонаселения [5, Оп. 1, д. 1265, л. 81-82].

Практика осклопления верующих началась в 1760-е гг. (сначала в Алексинском уезде Тульской губернии, затем в Моршанском уезде Тамбовской губернии, куда перебрались лидеры скопческого движения К. Селиванов и А. Шилов) [6, с. 175]. К началу XIX в. она прошла своеобразную «институализацию»: обрела собственную «идеологию», ритуалистику, а также постоянных исполнителей. Ввиду того, что осклопление являлось преступлением в глазах государства, оно всегда оказывалось овеяно ореолом тайны. Одной из главных заповедей русского скопчества являлось требование держать в секрете свою принадлежность к кругу сектантов-мистиков и о вере своей «ни отцу, ни матери не объявлять» [7, с. 29].

Формы осклопления у последователей секты были различными, но наиболее древними из них считались полное и неполное осклопление. Неполное осклопление, известное как «малая печать», состояло в отрезании у мужчин «удельных близнят» (ампутации яичек) [8, с. 195]. Полное же осклопление, или «царская печать» появляется у скопцов лишь в 1816 году, предпосылкой к этому стали участвовавшие случаи сожительства между скопцами и скопчихами [9, Оп. 1, д. 70, л. 41]. Способы осклопления у женщин были намного разнообразнее: встречаются протоколы медицинского освидетельствования скопчих, в которых в качестве способов «умерщвления плоти» указывается прижигание или удаление сосков, вырезание груди, удаление малых и больших половых губ, а так же нанесение шрамов и порезов по всему телу [10, Оп. 151, д. 57, л. 23].

В связи с непреложной догмой греховности плоти, от которой необходимо избавляться и особенностями самой операции, в структуре общины оскопитель занимал особое место, зачастую его социальное положение было выше даже, чем у «кормщика корабля», поскольку к опытному «хирургу» съезжались адепты скопчества со всей округи. В то же время, нередко были случаи, когда роль оскопителя принимал и сам лидер общины, в этом случае этом он считался носителем абсолютного знания, которым был наделен через Святого Духа, в связи с этим его авторитет оказывался непререкаем.

Как видно из описания видов осклопления, эта операция была достаточно трудной, поскольку существовал существенный риск летального исхода из-за потери крови или инфицирования раны с последующим заражением крови. Поэтому новообращенным скопцам после принятия «малой и большой печати» требовался длительный реабилитационный период, во время которого они были вынуждены скрываться от глаз «непосвященных». Но, несмотря на все меры предосторожности, призванные скрыть совершение операции осклопления, многие из адептов секты со временем становились фигурантами уголовных дел по обвинению в принадлежности к скопческой секте, а в этом случае физическое осклопление служило прямым доказательством виновности и каралось ссылкой в отдаленный край Сибири [11, Оп. 1, д. 13, л. 9].

Есть все основания полагать, что именно угроза сурового наказания за добровольное осклопление стала отправной точкой для формирования мифологии вокруг фигуры оскопителя. Согласно существовавшему в XIX в. уголовному законодательству, у адептов скопчества оставалась возможность избежать наказания и быть полностью оправданными, если во время следствия они указывали своих оскопителей. В результате, в скопческой среде сформировалась определенная модель поведения в условиях следствия. Если один из адептов секты подвергался аресту по подозрению в осклоплении себя или других, то другие мистики, оказавшиеся под угрозой обнаружения, добровольно являлись к властям и указывали арестованного как своего оскопителя. Если же подходящей кандидатуры на роль оскопителя не находилось, то на роль оскопителя выбирался либо умерший человек, неизвестный старец, оскопивший свою «жертву» во время путешествия к святым местам.

Последний вариант оказался весьма распространенным в практике взаимоотношений мистиков с окружающим населением и представителями власти. В итоге в среде мистиков сформировалась легенда о неизвестном оскопители, предлагавшем или навязывавшем верующим собственные «ключи от рая».

Основываясь на документальных материалах допросов последователей скопчества, можно проследить социально-культурные и исторические особенности, оказавшие влияние на формирование образа «неизвестного оскопителя» в XIX веке. В частности, множество интересных сюжетов можно найти в протоколах допросов, хранящихся в делах фонда Курского окружного суда и фонда Судебных следователей Курского окружного суда Государственного архива Курской области, в фонде Дел местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах Российского государственного архива древних актов. Вот некоторые примеры.

В 1868 году крестьянин м. Злынки, Елизаветградского уезда, Херсонской губернии, Григорий Иванов Соловьев явился в следственную квартиру г.Курска и объявил, что был оскоплен крестьянином Василием Тюнниковым, который тогда содержался в тюремном замке по подозрению

«в осклоплении себя и других». Согласно материалам дела, Соловьев, получив от волостного правления «свидетельство на жительство в разных местах», и через некоторое время отправился из дома в «путешествие по святым местам». Под Курском он повстречался с Василием Тюнниковым: «Я оскопил Соловьева без его согласия, должно быть, чем-нибудь обманул, но чем именно я не помню. Я оскопил его во сне. Усыплял я всех по-разному, кому давал водку, настоящую на табаке, кому – сонный порошок в воде или хлебе» [12, Оп. 1, д.196, л.1-7]. Как видно из показаний Тюнникова его слова носят весьма обобщенный характер, сохраняя лишь основные направления сюжета легенды об оскопители, что дает возможность предполагаемым жертвам широким возможности для дополнения своих свидетельств определенными подробностями, с которыми позже и согласится обвиняемый. Показания «жертвы» осклопления в данном случае так же содержат каких-то конкретных деталей, всесторонне описывающих происшествие.

Немногим более подробно описывают оскопителя описывают Константин Савельев Крючков и Филипп Андреев Крючков, крестьяне Фатежского уезда Курской губернии, подозревавшиеся в самоосклоплении. Филипп, вспоминая историю своего осклопления, рассказывает, что в 1864 г. он с братом ехали на подводе в Курск, и, не доезжая города, встретили в лесу неизвестного человека с которым остановились вместе на привал и дали ему воды. «Давал ли он нам что-то из своего не помню», но утром «проснувшись, я увидел немного крови на портах и почувствовал небольшую боль в яйцах, посмотрев, я увидел, что не только яиц нет, но и ствола», - говорится в показаниях Филиппа Крючкова. Аналогичную историю рассказал и Константин [13, Оп. 1, д.769, л. 11-13].

Подробное описание внешнего вида оскопителя встречается в деле об осклоплении московского купца второй гильдии Андрея Кудрина крестьянином с. Любостань: «На Кащавцеве были одеты ситцевая рубаха, синие шаровары и простые сапоги, на голове – шапка. Лицо круглое, бороды не имел, то есть волос на бороде» [13, Оп. 1, д. 854а, л. 16-18]. Осклопление купца, согласно показаниям подозреваемого, опять же было совершено во сне, в который он погрузился после употребления предложенного незнакомцем питья.

Аналогичные случаи происходили и в других районах империи: в Тамбовской, Воронежской и других губерниях. Так, в 1877 г. в Моршанском уезде отпускной унтер-офицер Петр Парамзин и его сын Егор явились к судебному следователю и объявили о своем осклоплении, дав при этом следующее описание своего оскопителя: «Увидел перед закатом странника в монашеской одежде, который попросился ночевать. Он с нами пил чай и говорил только о своих путешествиях по святым местам», а на утра отец и сын проснулись уже осклопленными [14, Оп.1, д.3573, л.28].

В то же время крестьянка с.Крюково Моршанского уезда, которая так же была под следствием в деле о принадлежности к скопческой секте в качестве своего оскопителя указала «проходящую богомолицу Ольгу Ивановну», которая говорила, что вечно странствует и не имеет постоянного места жительства. При этом Акулина Ивановна дает следующее описание ее внешнего вида: «Приметами она лет шестидесяти, худощавая, проходила через село в Петров пост и попросилась ночевать как странница. На другой, когда я провожала ее по селу, она предложила мне оскопиться для спасения души» [14, Оп. 1, д. 3574, л. 5].

На первый взгляд все случаи появления «неизвестного оскопителя» кажутся весьма похожими, но изучая детали описания его (или ее) внешнего вида в материалах различных дел можно обнаружить некоторые особенности, характерные для определенного региона. Например, в Курской губернии оскопитель представлялся рассказчиками в качестве крестьянина, в то время как в Тамбовской губернии – в образе странствующего монаха. Причина этого расхождения образов кроется в исторических особенностях генезиса скопчества в разных районах Российской империи. В Моршанском уезде, где появление первых его adeptов относится еще ко второй половине XVIII века и активной деятельности Кондратия Селиванова, в качестве оскопителя выступает представитель духовенства, поскольку на раннем этапе генезиса данного религиозного движения оно было более тесно связано с монашеской средой: первоначально скопчество нашло приверженцев именно среди монахов, которым было легче принять необходимость физического осклопления. В Курском крае скопчество распространилось несколько позже и большинство его последователей принадлежали к крестьянской среде, что и оказало значительное влияние на формирование «легендарного» образа оскопителя.

На формирование образа «неизвестного оскопителя», несомненно, повлияли и культурно-психологические факторы. Мистические секты, как и прочие религиозные сообщества, активно эксплуатировали в своей конфессиональной культуре существующие в коллективном бессознательном архетипы, перешедшие из христианского религиозного учения. При рассмотрении христианской религиозной культуры через призму теории архетипов К.Г. Юнга, исследователями выделяются образы Матери и младенца, Анимы и Христа, а так же некоторые другие, которые, «формулируя коллективное бессознательное, замещают его догмами» [15, с. 69]. Однако, как отмечал сам родоначальник аналитической психологии, существование архетипов в коллективном бессознательном характерно не только для мировых религий, но и для всех тайных учений, стремящихся «уловить невидимые душевные события» и выразить их с помощью «величественных образов». Причиной этому, прежде всего, служит тесная связь скопчества с христианством, благодаря

которой в первом сохранились многие традиционные для православия образы, просто несколько видоизмененные.

Как известно, в рамках своей теории К.Г. Юнг выделил шесть базовых архетипов, один из которых он назвал «anima» или «дух». «Дух» может принимать различные формы, но само психическое понимание указывает на его архетипическую природу образа, который «присутствует в предсознательной структуре человеческой души» [16, с. 296]. Зачастую архетип духа реализуется через образ «мудрого старца», который приходит в бессознательный мир человека по средствам сновидений, где он может воплощаться в волшебника, доктора, учителя, священника и т.д. В архетипе «мудрого старца» персонафицируются такие черты пожилых людей, как самоконтроль, ответственность, систематичность, мудрость, консерватизм. Именно этот архетип нашел свое отражение в религиозной культуре русского скопчества и был выражен в образе оскопителя, как носителя абсолютного знания.

Безусловно, сформировавшийся «легендарный образ» значительно отличался от того, как в действительности выглядел оскопитель. Это видно хотя бы из обстоятельств, сопутствовавших осклоплениям и фиксирувавшихся следственными органами. В одном из документов, например, говорится: «Соловьев был оскоплен под Курском и после осклопления самостоятельно добрался до ближайшего селения. Чтобы осклопление могло быть произведено на большой дороге или в другом подобном месте, чтобы оскопленный мог обойтись без всякой посторонней помощи невозможно» [12, Оп. 1, д.196, л.9]. Реально операция осклопления обычно проводилась в доме одного из членов общины, причем не обязательно той, к которой принадлежал сам оскопленный. Например, согласно показаниям крестьянина Василия Кузнецова, оскопленного в 1864 г., он, возвращаясь с богомолья из Коренной пустыни, в районе Селиховых постоянных дворов встретил какого-то человека, после чего заснул, а проснувшись увидел, что оскоплен [13, Оп. 1, д.604, л.7]. При этом его соседи указали при допросе, что Кузнецов часто бывал на хуторе Кривецке у «распространителя скопчества» Акциона Коновалова, где так же собирались другие скопцы для моления [13, Оп. 1, д.604, л.14]. Очевидно, Кузнецов, как и многие другие мистики, воспроизвел «каноническую» легенду своей среды, дабы не выдать одноверцев.

Заключение

Итак, из показаний адептов скопчества на допросах, очевидно, что в конфессиональной культуре мистической секты за столетие своего существования и преследования органами государственной власти сформировался определенный образ оскопителя как знаковой фигуры религиозного культа. Мифологический образ, сформировавшийся в скопческой среде, являл собой странника, случайно встреченного во время путешествия в безлюдном месте (например, на дороге, проходящей через лес, или в поле) обычно в вечернее время. Одежда его не отличается запоминающимися деталями, наоборот, представляется весьма обычной, с собой у него немного вещей, однако обязательно имеется хлеб и какой-либо напиток (обычно настойка, призванная заглушить вкус сонного порошка или другого одурманивающего вещества). Социальная принадлежность странника могла варьироваться – в разных губерниях он мог выступать в роли монаха или крестьянина, постигшего премудрости веры. Реально же операция осклопления, как правило, проводилась одним из членов сектантской общины, чаще всего ее лидером, поскольку именно он в понимании скопцов был наделен высшим знанием и в большей степени соответствовал сформировавшемуся образу мудреца.

История русского скопчества дает прекрасный пример социально-религиозного мифотворчества. В ходе истории этого движения ее адептами был сконструирован образ «странника», «старца», обладающего секретом спасения души и встречающегося страждущим в трудные моменты жизни. обстоятельное рассмотрение следственных материалов XIX в. убеждает, что этот образ имел мало общего с реальностью: как правило, сектанты-мистики оказывались членами своих общин под влиянием хорошо знакомых им людей. существование названного образа в общественном сознании было вызвано двумя обстоятельствами. С одной стороны, легенда о «страннике» давала надежду подозреваемым в осклоплении избежать положенного законом наказания и, таким образом, имела практические основания для тиражирования. С другой стороны, образ таинственного незнакомца отражал архетипические особенности восприятия реальности верующими. Архетип «мудрого старца» или «старницы», используемый многими религиозными культурами, в конфессиональной традиции русских мистиков нашел свое выражение через образ оскопителя. Несомненно, активная эксплуатация этого архетипа давала возможность лидерам скопческих сообществ облегчить неопитам вхождение в новую религиозную среду.

Примечания:

1. Черныш А.В. Мистическое сектантство как объект исторических исследований // Свеча-2013. Владимир, 2013. с. 271-280.
2. Сковрцов, В.М. Скопчество как секта и обличение ее заблуждений. Санкт-Петербург: Тип. Артели печатного дела, 1902. 46 с.

3. Апанасенок А.В. Религиозные диссиденты в российской провинции: очерки истории духовных движений Курской губернии в конце XVIII – начале XX века. Курск: Тип. КГТУ, 2010. 200 с.
4. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: Часть 3. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1862. 725 с.
5. Государственный архив Тамбовской области. Фонд 4.
6. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
7. Engelstein Laura Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Cornell University Press, 2003. 304 p.
8. Буткевич, Т.И. Обзор русских сект и их толков. Харьков: Тип. губернского правления, 1910. 637 с.
9. Российский государственный исторический архив. Фонд 1005.
10. Российский государственный исторический архив. Фонд 1297.
11. Государственный архив Курской области. Фонд 616.
12. Государственный архив Курской области. Фонд 421.
13. Государственный архив Курской области. Фонд 32.
14. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1431.
15. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
16. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: Совершенство, 1997. 384 с.

References:

1. Chernysh A.V. Mystical sectarianism as an object of historical research/ Svecha-2013. Vladimir. 2013, с. 271-280. (In Russian)
2. Skovrtsov V.M. Skopchestvo as a sect and the conviction of its delusions. Spb:Typ. of printing artel , 1902. 46 p. (In Russian)
3. Apanasenok A.V. Religious dissidents in the Russian province: Essays on the history of spiritual movements Kursk province at the end of XVIII – beginning of XX century. Kursk: Typ. KSTU. 2010, 200 p. (In Russian)
4. Vardaninov N.V. History of the Ministry of Internal Affairs: Part 3. Spb.: Typ. Ministry of Internal Affairs, 1862. 725 p.
5. The State Archive of the Tambov. Fond 4.
6. Panchenko A.A. Khristovshchina and skopchestvo: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects. M.: OGI, 2004. 541 p. (In Russian)
7. Engelstein Laura Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Cornell University Press, 2003. 304 p.
8. Butkevich T.I. Overview of Russian sects and rumours about them. Kharkov:Typ. gub. pravleniya, 1910. 637 p. (In Russian)
9. Russian State Historical Archive. Fond 1005.
10. Russian State Historical Archive. Fond 1297.
11. The State Archive of the Kursk. Fond 616.
12. The State Archive of the Kursk. Fond 421.
13. The State Archive of the Kursk. Fond 32.
14. Russian State Archive of Ancient. Fond 1431.
15. Jung C.G. The Archetypes and Symbols. M.: Renessans, 1991. 304 p. (In Russian)
16. Jung C.G. Spirit and Myth: Six Archetypes. M.: Sovershenstvo, 1997. 384 p. (In Russian)

УДК 273.99

Старец с «ключами от рая»: образ оскопителя в истории мистического сектантства XIX в.

¹ Анастасия Валерьевна Черныш

² Александр Вячеславович Апанасенок

¹ Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: anastasiachernysh@mail.ru

² Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
E-mail: apanasenok@yandex.ru

Аннотация. Распространение мистического сектантства в Российской империи в XIX веке достигало угрожающих масштабов. Только по данным официальной статистики в этот период происходило увеличение численности adeptов различных мистических религиозных движений в несколько раз. Несмотря на жесткие меры государственной противосектантской политики скопчество (наиболее радикальное мистическое движение) быстрыми темпами распространялось по территории страны, охватывая все новые губернии. Рассматривая процесс развития конфессиональной культуры скопцов в неблагоприятных для нее внешних условиях, авторы акцентируют внимание на особенностях формирования образа «старца-оскопителя». Работа со следственными документами по делам об оскплениях в российских регионах привела к выводу, что рождение мифического образа явилось реакцией сообщества мистиков на преследования со стороны государственной власти и стало частью стратегии, призванной избавить попавших под арест сектантов от тюрьмы или ссылки. Авторы демонстрируют, что образ отражал архетипические особенности восприятия реальности верующими. Архетип «мудрого старца» или «старницы», используемый многими религиозными культурами, в конфессиональной традиции русских мистиков нашел свое выражение через образ оскопителя, а его эксплуатация давала возможность лидерам скопческих сообществ облегчить неопитам вхождение в новую религиозную среду.

Ключевые слова: мистическое сектантство; скопчество; конфессиональные практики; вероисповедная политика; Российская империя; архетипы.